

роты его отъидоша от нас“ (стр. 453).¹ Сказание это относится к числу старейших переводов с греческого прямо на русский и так же, как и упомянутые выше „пророчества“, проходит в многочисленных списках через всю нашу старинную письменность.

Из других литературных памятников, отзвуки которых находим у автора повести, можно назвать „Историю“ падения Трои (Троянскую притчу), также давно известную в русской письменности; на нее указывают слова автора в конце его повести: „Грех ради наших беззаконный Магомет... потребших Троию предивную, седьмьдесятми и четырьмя крали обороняему“ (459—460).

Наконец, есть некоторое основание предполагать, что составителю повести известно было „Положение Иерусалима“ Иосифа Флавия в древнерусском переводе (XI—XII века), откуда он мог заимствовать отдельные мотивы в изображении боевых сцен.²

Итак, все второстепенные источники, которыми мог располагать составитель повести, имелись в русской письменности XV—XVI веков. Следовательно, и это подтверждает высказанное мнение, что повесть была создана на Руси начитанным и опытным в литературном деле писателем начала XVI века.

III

Тексты повести о взятии Царьграда турками, как вошедшие в Хронограф 1533 года, так и помещаемые в „комплексах“ и отдельно встречающиеся, в общем довольно устойчивы по составу и однообразны по чтениям.³ Но среди них выделяется своими особенностями текст XVI века

¹ Составитель повести, влагая в уста патриарха такие речи, имел, конечно, в виду „чудо первое“ сказания о Софии — о юноте и ангеле на постройке церкви (Памятники древней письменности, т. LXXVIII, 1899, стр. 11).

² Основания для предположения таковы:

1) несомненное сходство в изображении отдельных „боевых“ моментов; ср., например:

У Флавия (цитирую Иосифа Флавия по изданию: V. Istrin. La prise de Jerusalem par Joseph le Juif, I. Paris, 1934)

В повести

И бысть видети падающа жида, яко снопы с забрал... Кровь с забрал течаше, яко реки и мнози быху по трупию влести в град, яко по степенем [228/114].

Падаху бо трупиа обоих стран, яко снопы с забрал, и кровь их течаше, яко реки, и наполняхася рвы трупиа человека до верку, яко чрез их ходити турком, яко по степенем [448].

Стрелы помрачиша свет [222/111].

И бысть сеча примрачна, зане стрелы их [туро.] помрачиша свет [455].

2) сходство в военной терминологии в обоих памятниках (разумеется, за исключением того, что относится к терминологии огнестрельного оружия);

3) сходство основных тем обоих памятников: оба излагают падение городов, Иерусалима и Царьграда, — городов, в представлении современников, имевших мировое значение, центральных по своему религиозному значению (ср. паломничество во „святой“ град Иерусалим и „второй“ Иерусалим — Царьград — для поклонения святыням; оба города часто объединялись и внешним образом: сказания об их падении в рукописях часто стоят рядом, что и закреплено было печатным изданием начала XVII века;

4) как раз в XV веке, когда пал Царьград, начинают, судя по сохранившимся текстам, распространяться списки старого перевода „Истории падения Иерусалима“ Иосифа Флавия; только в списках не старше этого времени известна нам „История“; в данном случае „История“ Флавия представляет аналогию к „Откровению“ Мефодия и „пророчествам“ Льва Мудрого, а эти последние также были в числе источников составителя повести.

³ Разумеется, не принимая в расчет мелких разночтений и незначительных лексических вариантов, не имеющих редакционного значения. Сюда не причисляются переделки основного текста, имеющие в иных случаях характер редакционный: о них будет речь в дальнейшем отдельно.